

ЧЕРНАЯ БАРХОТКА

18+

Алексей Фирсов
Черная бархотка

«Автор»

2026

Фирсов А.

Черная бархотка / А. Фирсов — «Автор», 2026

Париж, 1794 год. Время, когда воздух пропитан гарью и запахом крови, а жизнь человека стоит меньше, чем кусок хлеба. Гастон — капитан Национальной гвардии, для которого Террор стал повседневной рутиной. Он циничен, жесток и уверен, что знает будущее, ведь он пришел из мира, где история — лишь страница в учебнике. Но всё меняется, когда в его руки попадает Изабель. Она прекрасна, холодна и несет на себе клеймо проклятия — широкую черную бархотку, скрывающую шрам. Изабель не должна была жить. Гастон стал ее тюремщиком, а она — его одержимостью. В мире, где каждый день может стать последним, их страсть становится единственным наркотиком. Но Изабель боится собственной крови, а Гастон готов переписать саму историю, чтобы удержать ее. Даже если для этого придется сразиться с Богом, смертью и законами времени. Сможет ли любовь, рожденная в аду, исцелить шрам, который помнит смерть?

© Фирсов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

глава первая	5
глава вторая	8
глава третья	10
глава четвертая	12
глава пятая	14
глава шестая	17
глава седьмая	19
глава восьмая	20
глава девятая	23
глава десятая	25
глава одиннадцатая	27
глава двенадцатая	30
глава тринадцатая	33
глава четырнадцатая	35
глава пятнадцатая	37
глава шестнадцатая	40
глава семнадцатая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Черная бархотка

глава первая

Глава 1. Призрак из-под Бахмута

Декабрьский ветер не приносил свежести. Он волочил по узким парижским улицам колючую ледяную крошку, смешанную с запахом немытых тел, лошадиного навоза и кислого вина. Но хуже всего был другой запах. Металлический, сладковато-приторный, ввевшийся в самую брусчатку. Запах свежей крови.

Капитан Национальной гвардии Гастон Леруа стоял у края площади Революции, Жесткая ткань высокого воротника натирала шею, но он почти не обращал на это внимания. Его взгляд был устремлен на эшафот, хотя мыслями он находился в другом столетии.

Гастон не помнил точно, как умер. Его последним воспоминанием из двадцать первого века был промозглый, разъедающий кости холод в окопе под Бахмутом. Искореженная земля, запах тротила и тот самый мерзкий, высокий жужжащий звук в сером небе. Звук FPV-дрона, пикирующего прямо на его позицию. А потом — ослепительная вспышка, выжегшая сетчатку, и абсолютная, звенящая пустота.

Он должен был сгнить в донбасской грязи. Но вместо этого, два года назад, он очнулся в грязной сточной канаве Парижа тысяча семьсот девяносто второго года. Живой. В чужом теле или, возможно, в своем собственном, но перестроенном под реалии этой эпохи. Он почти забыл свое настоящее имя. Да и зачем его помнить. "А может я попал в ад?"

Его спасло его хобби. Там, в прошлой — или будущей? — жизни Гастон запоем читал книги по истории. Военная стратегия, политика, мемуары. Он знал наизусть даты сражений, имена палачей и диктаторов. Он знал, что через несколько месяцев отрубят голову Людовику XVI, знал, когда взойдет звезда Наполеона, знал, что будет происходить в мире следующие двести лет. Это знание делало его циничным наблюдателем. Гастон принял для себя жесткое правило: **не вмешиваться**. Он плыл по кровавому течению Французской революции, как щепка. Наблюдал, оценивал, выживал. Спасать кого-то в этом безумии было самоубийством. История должна была сожрать своих детей, и он не собирался вставать у нее на пути.

Толпа на площади радостно взревела — нож гильотины со стуком рухнул вниз, оборвав чью-то жизнь. Женщины-вязальщицы заулюлюкали. Гастон почувствовал, как к горлу подкапывает тошнота.

Его рука инстинктивно скользнула под мундир, пальцы нащупали на голой груди холодный металл. Тяжелая серебряная ладанка. Она оказалась на его шее в тот самый момент, когда он очнулся в этом времени. Чужая, старинная вещь, покрытая непонятными символами. Поначалу она пугала его до дрожи, казалась меткой дьявола. Но со временем он понял ее истинную суть.

Как только панические атаки, порожденные ПТСР и ужасами двух войн, грозили разорвать его психику, ладанка начинала пульсировать. Она испускала странное, ровное тепло, которое проникало под кожу, словно химический транквилизатор. Она вычищала страх, оставляя холодную, расчетливую уверенность. Артефакт был его якорем, не дававшим сойти с ума среди оторванных голов и безумия толпы.

Гастон глубоко вдохнул, позволяя серебру успокоить расшатанные нервы. Он снова стал идеальным солдатом, винтиком в машине Террора.

— Капитан Леруа!

Резкий окрик заставил его обернуться. К нему сквозь толпу пробирався человек, чье появление никогда не сулило ничего хорошего.

Это был комиссар Шометт — тощий, желчный функционер с бегающими глазками, кутающийся в трехцветный шарф, который заменял ему и тепло, и совесть.

— У вас новый приказ, капитан, — прошипел комиссар, выпуская изо рта облачко пара и протягивая сложенный лист бумаги. — Комитет требует немедленных действий. Поступил донос.

Гастон взял ордер, пробежавшись взглядом по неровным строчкам.

«Граф Этьен де Монфор. Обвинение в сношениях с эмигрантами и укрывательстве контрреволюционных элементов».

Де Монфор. Старинный род. Ходили слухи, что старик увлекался алхимией и оккультизмом. Гастон мог предсказать финал: графа казнят. Как и всех, на кого ложился взгляд Комитета спасения. Гражданин ФукеТенвиль в трибунале не знал слово "жалость". Бывший королевский прокурор словно мстил за свою жизнь неудачника....Очередная страница учебника истории, написанная кровью.

— Берите дюжину своих лучших людей, Леруа, — распорядился Шометт. — И переверните там всё вверх дном. Ищите бумаги, тайники, золото. Мы должны вырвать эту аристократическую заразу с корнем.

— Будет исполнено, гражданин комиссар, — сухо ответил Гастон, козырнув.

Он развернулся и подал знак своим гвардейцам. Отряд двинулся сквозь заснеженные, продуваемые ветром улицы. Гастон шел впереди, тяжелая сабля ритмично била по бедру. Он оценивал своих людей взглядом профессионального военного: сброд, вооруженный мушкетерами, не знающий ни тактики, ни дисциплины. Но для обысков и конвоирования смертников они годились. Гастон просто играл свою роль. Он — капитан Республики. Его дело — выполнять приказы, чтобы его собственная голова осталась на плечах.

Они вышли к предместью Сен-Жермен. Особняк де Монфоров возвышался в конце улицы мрачной громадой. Высокие кованые ворота, закрытые ставни на первом этаже. Дом казался вымершим, затерянным островком аристократии посреди бушующего плебейского океана.

Гастон остановился перед массивными дверями. И в этот момент серебряная ладанка на его груди внезапно стала горячей.

Это не было привычным успокаивающим теплом. Металл обжигал кожу, словно предупреждая об опасности. Гастон нахмурился. За два года артефакт вел себя так лишь однажды — когда Гастон оказался в склепе с тифозными трупами. Ладанка реагировала на Смерть. На какую-то концентрированную, нечеловеческую тьму, таящуюся за этими резными дубовыми дверями.

Рациональный разум требовал развернуться и уйти. Но приказ есть приказ.

— Ломайте, — скомандовал он.

Двое дюжих гвардейцев ударили прикладами по замку. Дерево жалобно хрустнуло, и створки распахнулись. Отряд ввалился в просторный холл, оставляя грязные следы на блестящем мраморе.

В нос Гастону ударил странный запах. В заброшенном, холодном особняке пахло пылью, старым воском и... явно ощутимым ароматом формалина и увядающих лилий. Запах морга и похорон.

На верхней площадке парадной лестницы, совершенно безмолвно, стоял старик в потертом камзоле. Граф Этьен де Монфор ждал их. И его взгляд заставил волосы на затылке Гастона встать дыбом.

глава вторая

Глава 2. Черная бархотка

Граф был пугающе спокоен. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, походило на желтый пергамент, а в выпетших глазах не было ни капли страха. Только бездонная усталость человека, который переступил черту, за которой кончается земное безумие и начинается нечто худшее.

— Именем Республики! — эхо глубокого голоса Гастона отразилось от сводчатых потолков. Он положил руку на эфес сабли, готовый к любому сопротивлению. — Граф де Монфор, вы арестованы.

— Я готов следовать за вами, господа, — голос старика был тихим, шелестящим. — Прошу, не крушите дом. Моя семья...

— Обыскать всё! — рявкнул Гастон, перебивая его.

Солдаты с грохотом рассыпались по комнатам. Зазвенело разбиваемое стекло, послышался треск разрываемой обивки кресел. Гастон, чеканя шаг, стал подниматься по лестнице к графу. Ладанка на груди пульсировала в бешеном ритме. Металл почти жег кожу.

И вдруг за спиной графа скрипнула тяжелая дверь спальни.

Гастон перевел взгляд и замер. Дыхание перехватило, а вся его выверенная система холодного наблюдения дала трещину.

На пороге стояла девушка.

Она была хрупкой, как фарфоровая кукла, укутанной в простую темно-серую шаль. Но ее лицо... Оно было нечеловечески прекрасным. Мраморно-белая, идеальная кожа контрастировала с огромными темными глазами, в которых плескалась такая первобытная тоска, что Гастон почувствовал физический удар под дых. Она была абсолютно живой — он видел, как вздымается ее грудь, чувствовал ее животное тепло, — но над ней висела аура обреченности.

Гастона, циничного наемника из XXI века, накрыла волна дикого, неконтролируемого вожделения, смешанного с ледяным мистическим ужасом. Это была первобытная химия. Ему одновременно хотелось заслонить ее собой от своих же солдат и... грубо прижать к стене, чтобы почувствовать ее пульс.

Его взгляд хищника мгновенно выхватил деталь, которая выбивалась из образа. На ее тонкой шее плотно сидела **широкая черная бархотка**. Она выглядела чужеродно, как грубая траурная повязка на теле ангела.

— Изабель... — с надрывом выдохнул граф, бросившись к ней. — Вернись в комнату!

Она не смотрела на отца. Ее взгляд был прикован к Гастону, к крови на его обшлагах.

— Она поедет с нами, — хрипло произнес Гастон, делая шаг к ней. Правило невмешательства трещало по швам.

— Нет! — граф де Монфор потерял свое хваленое спокойствие. Он вцепился в мундир капитана. — Умоляю! Она больна! Возьмите мою жизнь, но оставьте Изабель!

Гастон жестко отшвырнул старика. Но, глядя на дрожащую девушку, он почувствовал, как внутри просыпается что-то забытое, человеческое.

В этот момент с улицы, сквозь разбитое окно, донесся мерный, нарастающий грохот.

Стук. Стук. Стук.

По брусчатке катилась телега смертников. Кто-то в толпе на улице пьяно завопил: «Готовьте корзины для новых голов!».

То, что произошло в следующую секунду, разрушило картину мира Гастона.

Изабель издала сдавленный, неестественный хрип. Ее глаза закатились. Она судорожно вцепилась пальцами в свою шею, прямо поверх бархотки, словно невидимое лезвие начало дробить ее позвонки. Она стала оседать на пол, задыхаясь.

Гастон бросился вперед, едва успев подхватить ее. Она билась в его руках в жестоком припадке, беззвучно шевеля губами.

Капитан перехватил ее ледяные пальцы, пытаясь отвести их от горла, и ее голова запрокинулась назад.

Гастон уставился на черную ткань, не в силах поверить своим глазам. Прямо по центру бархотки, проступая сквозь плотный материал, медленно расползлось влажное пятно. Над яремной впадиной, реагируя на звук едущей к гильотине телеги, расцветала капля свежей, алой крови.....

глава третья

Глава 3. В утробе Консьержери

Подвалы Консьержери пахли нечистотами, соломой и страхом. Этот запах въедался в волосы, оседал на языке горьким привкусом желчи. Гастон спустился по склизким каменным ступеням, держа в руке тусклый фонарь. Тюремщики, завидев синий мундир капитана Национальной гвардии, молча расступались. У Гастона был пропуск с печатью Комитета, но главное — у него был взгляд человека, который не знает пощады.

Он остановился у камеры номер восемнадцать. Тяжелый засов с лязгом отъехал в сторону.

Изабель сидела на охапке гнилой соломы в углу камеры.

В этой большой камере еще вчера было не протолкнуться, но теперь свободно. Все умерли сегодня под ножом гильотины. Остался только запах духов, пота и страха...Завтра сюда приведут новых узников.

Гастон поднял фонарь, и желтый свет выхватил из мрака ее фигуру. Она была живой. Абсолютно, мучительно живой. Ее плечи мелко дрожали от пронизывающего холода каменного мешка, тонкие пальцы покраснели. Она держала в руках кусок черствого, покрытого плесенью хлеба и механически, с усилием жевала его.

Этот простой физиологический процесс — глотание жесткой пищи, чтобы поддержать биение сердца, — ударил Гастона сильнее, чем вид крови. Дочь графа, неземное создание, давилась тюремной пайкой, потому что ее молодое тело требовало энергии. Оно отчаянно цеплялось за жизнь, в то время как в ее огромных, пустых глазах стояла абсолютная покорность смерти.

Гастон шагнул в камеру и закрыл за собой дверь. Он был безумно рад что успел. Что эту девушку не отвезли на площадь под топор. Ее тянуло к ней, как голодного к куску хлеба, как жаждущего к стакану с водой, как пьяницу к стакану вина. Его желание, его страсть была нерациональной, пугающей....Он думал о ней днем и ночью когда засыпал и утром когда просыпался в своей квартирке в мансарде. Колдовство?

— Завтра утром списки Фукье-Тенвиля лягут на стол трибунала, — его голос прозвучал глухо, разбиваясь о влажные своды. — Твоя фамилия там третья. Граф де Монфор пойдет на эшафот в полдень. Ты следом.

Изабель медленно проглотила хлеб. Она не вздрогнула. Не заплакала. Только еще плотнее закуталась в серую шаль. Черная бархотка на ее шее выделялась во мраке на белой шее, как свежая рана.

— Я знаю, — ее голос был тихим, шелестящим, лишенным всяких эмоций. — Я уже слышу, как точат нож гильотины.

Эта покорность взбесила Гастона. Он подошел вплотную, нависая над ней. От него пахло свежим воздухом, порохом и табаком.

— Я могу вычеркнуть тебя, — жестко сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Записи здесь ведутся как попало. Я могу сказать коменданту, что ты умерла от тюремной горячки час назад. Труп чей то сбросят в общую яму, а я выведу тебя отсюда под плащом гвардейца. Сюда за взятки приводят шлюх аристократам. Вроде как последнее желание. Тебя примут за шлюху.

Изабель подняла голову. В ее взгляде ничего не изменилось. Ни проблеска надежды, ни искры удивления.

— Зачем вам это, гражданин капитан? — ровно спросила она.

— Ты знаешь зачем.

Гастон опустился перед ней на одно колено. Его рациональный разум из XXI века кричал, что он совершает фатальную ошибку. Но инстинкты, разбуженные мистическим артефактом на его груди и первобытной тягой к этой сломленной девушке, взяли верх.

— Сделка проста, Изабель. Я дарю тебе жизнь. Я прячу тебя, кормлю, защищаю от этого безумного мира. А ты... отдаешь мне себя. Полностью. Без остатка. Твое тело, твоя воля будут принадлежать мне.

Он ждал пощечины. Ждал проклятий, слез, аристократической гордости. Но Изабель лишь медленно моргнула.

— Мое тело? — она посмотрела на свои дрожащие, грязные руки. — Забирайте. Оно все равно уже ничего не чувствует. Я согласна.

глава четвертая

Глава 4. Пробуждение плоти

Гастон привел ее в свою квартиру под самой крышей старого дома, неподалеку от площади Революции. Здесь было холодно, пахло пылью и старым деревом, но в камине еще тлели угли.

Как только тяжелая дубовая дверь захлопнулась, отрезав их от безумия Парижа, Изабель остановилась посреди комнаты. Она не смотрела по сторонам. Она просто стояла, безвольно опустив руки, словно кукла, у которой кончился завод.

Гастон сбросил перевязь с саблей, не сводя с нее потемневших глаз. Кровь стучала в висках. Он шагнул к ней, и его большие, грубые руки легли на ее плечи. Изабель вздрогнула, но не отстранилась.

-Хочешь есть?

-Благодарю,нет...

-Вина?

-Нет....

-Воды?

-Зачем?

— Разденься, — хрипло приказал он.

Ее пальцы механически потянулись к шнуровке платья. Ни стыда, ни страха. Только мертвая, пугающая покорность. Ткань упала на пол. Изабель осталась в тонкой нижней сорочке. Сквозь полупрозрачный лен Гастон видел, как вздымается ее грудь, как быстро бьется сердце под хрупкими ребрами. От нее исходил жар живого, испуганного создания, но ее глаза оставались стеклянными.

Гастон не выдержал. Он не хотел трупа. Он хотел женщину. Именно эту....

Он сгреб ее в охапку, смятая сорочку, и впился в ее губы жестким, властным поцелуем. Изабель не отвечала, но и не сопротивлялась. Ее губы были холодными и неподвижными. Гастон застонал сквозь стиснутые зубы. Он подхватил ее на руки, швырнул на жесткую кровать и навис сверху. Грубое сукно его мундира царапало ее нежную кожу, металлические пуговицы впивались в плоть.

Это не было любовью. Это была война.

Он брал ее жадно, почти яростно, пытаясь физической болью и страстью пробить ту стену оцепенения, которой она отгородилась от мира. Воздух в комнате наполнился тяжелым дыханием, запахом пота, разгоряченной плоти и мужского отчаяния. Гастон чувствовал, как ее ногти впиваются в его плечи, как ее тело — такое горячее, такое податливое — подстраивается под его ритм.

Ее бедра инстинктивно подались навстречу, физиология взяла свое. Гастон ловил каждый ее вздох, каждое подрагивание мышц. Под его грубым напором ледяная корка начала трескаться.

— Чувствуй... — рычал он ей на ухо, кусая мочку. — Чувствуй, что ты жива.

Изабель вдруг судорожно выдохнула. Ее спина выгнулась дугой, а с губ сорвался первый, тихий стон, в котором смешались боль и внезапно вспыхнувшее наслаждение. Жизнь, пульсирующая, дикая, грязная жизнь, врывалась в нее с каждым толчком. На ее бледных щеках проступил яркий румянец, глаза потемнели, потеряв свою стеклянную пустоту. Она была здесь. С ним.

Гастон почувствовал себя победителем. Опыренный властью над ее пробуждающимся телом, он покрывал поцелуями ее ключицы, спускаясь всё ниже, вдыхая сладковатый аромат ее кожи, который больше не казался мертвенным.

глава пятая

Глава 5. Фантом

Комната тонула в полумраке, разрываемом лишь красноватыми всполохами камина. Изабель больше не была безвольной куклой. Она извивалась под Гастоном, ее дыхание сбилось, превратившись в прерывистые, горячие стоны. Животная страсть, темная и отчаянная, захлестнула их обоих.

Она обхватила его ногами, прижимаясь так тесно, словно хотела влиться в его тело, раствориться в его силе. Гастон терял рассудок. Контраст между окружающей их смертью и этим пульсирующим, влажным комком жизни на его кровати сводил с ума.

Ему хотелось поглотить ее целиком, владеть каждым дюймом ее кожи. Его губы скользили по ее взмокшей шее, обжигая поцелуями фарфоровую белизну.

— Изабель... — выдохнул он, чувствуя, как внутри нарастает волна разрядки.

Его пальцы инстинктивно потянулись вверх. Ему мешала эта нелепая деталь. Черная бархотка. Она казалась жесткой, инородной преградой на пути к ее пульсу. Гастон хотел поцеловать бьющуюся жилку, хотел почувствовать ток ее крови губами.

Не прерывая ритмичных движений, он подцепил край черного бархата указательным пальцем и потянул вниз, намереваясь сдернуть украшение.

В ту же долю секунды сладострастный стон Изабель оборвался.

Ее тело мгновенно одеревенело. Глаза распахнулись так широко, что белки блеснули в темноте безумным, диким светом. Зрачки сузились в булавки.

Она издала крик.

Это не был крик испуганной женщины. Это был нечеловеческий, утробный вопль животного, которому наживую вспарывают брюхо. Вопль чистого, беспримесного ужаса.

— Нет! — она ударила Гастона в грудь с такой неестественной силой, что он едва не слетел с кровати. — Нет! Нет!

Эротическое наваждение лопнуло, как мыльный пузырь, сменившись леденящим хорро-ром. Изабель забилась в истерике. Она скребла ногтями простыни, ее ноги судорожно пинали воздух. Она вжалась в спинку кровати, обхватив шею обеими руками, намертво вцепившись в бархотку, словно пытаясь удержать собственную голову.

— Лезвие! — визжала она, захлебываясь слюной и слезами, глядя сквозь Гастона в невидимую пустоту. — Оно падает! Господи, оно холодное!

Ее голос сорвался на жуткий, булькающий хрип. Гастон, тяжело дыша, замер над ней, чувствуя, как волосы на руках встают дыбом. Ладанка на его груди внезапно стала обжигающе ледяной, словно впитала в себя холод самой смерти.

Он смотрел на трясущуюся, воющую в первобытном ужасе Изабель, и понимал: в эту самую секунду, в своем воспаленном разуме, она находилась не в его постели.

Она лежала на деревянной плахе эшафота, ожидая удара гильотины. И этот удар уже был нанесен.

Гастон не раздумывал. Инстинкт солдата, привыкшего купировать панику у контуженных и раненых, сработал быстрее оцепенения. Он рванулся вперед, не обращая внимания на боль, когда ее ногти впились в его плечи.

Он обнял ее. Крепко, жестко, стальной хваткой прижимая ее бьющееся в конвульсиях тело к своей широкой, горячей груди. Она вырывалась с нечеловеческой, дикой силой, царапаясь и задыхаясь, словно он был тем самым палачом на эшафоте.

— Тише! Тише, я здесь! — рычал Гастон, фиксируя ее руки и зарываясь лицом в ее растрепанные волосы, пахнувшие потом и увядающими лилиями.

В слепой, обезумевшей панике правая кисть Изабель вырвалась из его захвата. Ее ледяные пальцы судорожно скользнули по его ключице вниз, к центру груди, и случайно сжались вокруг серебряной ладанки.

И тут произошло чудо.

Как только ее влажная, дрожащая кожа соприкоснулась с древним металлом, по комнате словно прокатилась беззвучная ударная волна. Артефакт, мгновение назад источавший могильный холод, внезапно вспыхнул изнутри пульсирующим, густым теплом. Это тепло, словно жидкое золото, потекло сквозь пальцы Изабель, проникая прямо в ее кровь, выжигая фантомный лед смерти. Истерика оборвалась. Утробный, булькающий вой застрял в ее горле и превратился в тихий, жалобный вздох.

Глаза Изабель, секунду назад расширенные от животного ужаса, медленно закрылись. Страшная судорога, сводившая ее мышцы в тугой узел, растворилась. Ее прерывистое, рваное дыхание выровнялось, стало глубоким и спокойным, как у спящего ребенка. Она полностью обмякла в его руках, тяжелая и расслабленная. Пальцы, сжимавшие артефакт, разжались, оставив ладанку лежать на груди Гастона. Комната вновь погрузилась в тишину. Был слышен только треск остывающих углей в камине да гул ветра за окном.

Гастон лежал неподвижно, всё еще прижимая к себе ее обнаженное, покрытое испариной тело. По его виску катилась капля холодного пота, а сердце грохотало о ребра с такой силой, словно он только что пробежал марш-бросок под пулями. Его рациональный, циничный разум из двадцать первого века разбивался вдребезги о то, что он только что увидел и почувствовал.

Он осторожно приподнял ее лицо за подбородок. Изабель была в сознании, но смотрела на него снизу вверх мутным, бесконечно уставшим взглядом, в котором больше не было ни безумия, ни страха. Только изнеможение.

— Что это было? — хрипло, едва слышно спросил Гастон, глядя прямо в ее темные глаза.

— Я не знаю, — тихо ответила Изабель, и ее шелестящий голос прозвучал так, словно донесся с того света.

Она лежала на спине, ровно вытянув руки вдоль туловища, совершенно не стесняясь своей наготы. В ее позе, в этом неподвижном, безвольном расслаблении было что-то глубоко трагичное — она напоминала мраморное надгробие юной девы в заброшенном готическом склепе. Белая, почти прозрачная кожа в тусклом, красноватом свете остывающего камина казалась вылепленной из воска, а черная бархотка на шее выглядела как жестокое клеймо.

Нагота Изабель в этот миг не порождала ни малейшего вожделения. Животная страсть, еще пару минут назад кипевшая в венах Гастона, испарилась, оставив после себя лишь горький, оседающий на языке пепел. Его грудь сдавила щемящая, почти невыносимая тоска, а горло перехватило от острого, обжигающего стыда.

Кем он стал в этом проклятом времени? Человеком, спасшим ее от ножа гильотины лишь для того, чтобы бросить на жесткую кровать и взять силой, пользуясь ее сломленностью? Он смотрел на следы от своих грубых пальцев на ее плечах, и чувствовал себя хуже тех палачей на площади. Они убивали плоть, а он только что пытался растоптать остатки ее израненной души.

Гастон молча поднялся с измятой постели. Быстро натянув штаны, он подошел к умывальнику. В железном кувшине оставалась вода. Он плеснул ее в медный таз и на пару минут поставил на каминную решетку, над тлеющими углями, пока от поверхности не начал подниматься легкий пар.

Взяв мягкую губку и кусок чистого льна, он вернулся к кровати. Гастон опустился на колени у края матраса и бережно, почти благоговейно, коснулся влажной губкой ее плеча.

Изабель вздрогнула от прикосновения тепла, но не отстранилась.

Он начал протирать ее кожу. Медленно, методично. Теплая вода смывала следы их отчаянной, грубой близости, липкий холодный пот пережитого ужаса и въевшуюся пыль подземелий Консьержери. Гастон вел губкой по ее острым ключицам, по тонким рукам, по впалому

животу, едва касаясь воспаленных ссадин. Его движения, обычно резкие и по-солдатски скупые, сейчас были наполнены такой первобытной, извиняющейся нежностью, словно он очищал священную реликвию, чудом уцелевшую в грязи.

Он намеренно не поднимался выше ключиц, обходя черную бархотку стороной, как границу, за которую ему было запрещено заступать.

Изабель не шевелилась. Она дышала ровно, впитывая это неожиданное, бережное тепло, исходящее от рук человека, которого еще недавно боялась. Затем она медленно закрыла глаза, отгораживаясь длинными тенями ресниц от сумерек комнаты.

И в этой звенящей тишине из-под ее плотно сжатых век выскользнула одинокая слезинка. Она сверкнула в отблеске каминного огня и медленно покатилась по бледной щеке, оставляя за собой блестящую, соленую дорожку. Эта беззвучная слеза ударила Гастона сильнее, чем крик или пощечина, окончательно пробив броню циничного солдата из будущего.

глава шестая

Глава 6. Убежище под крышей Парижа

Зима тысяча семьсот девяносто третьего года вгрызалась в Париж ледяными клыками. Снег, падающий на город, не приносил чистоты — он мгновенно смешивался с грязью, сажей и кровью, превращая улицы в непролазное, бурое месиво. Но здесь, на самом верхнем этаже старого дома неподалеку от площади Революции, время и смерть, казалось, замедлили свой ход.

Квартира Гастона, бывшая когда-то пристанищем нищего художника, теперь стала золотой клеткой для призрака.

Изабель официально не существовало. Гастон, пользуясь хаосом в канцелярии Консьержери, вымарал ее имя из списков Фукье-Тенвиля, заменив его на имя умершей от тифа воровки. Семья де Монфор сгинула в ненасытной утробе гильотины, но их дочь осталась здесь, среди пыльных холстов, грубой дубовой мебели и стопок книг, которые Гастон приносил ей из разграбленных библиотек.

Она стала его тайной. Его одержимостью и его проклятием.

Днями, когда Гастон уходил на службу — руководить конвоями, стоять в оцеплении эшафота, вдыхая вонь обезумевшей толпы, — Изабель оставалась одна. Она почти не ела, но жадно пила бургундское вино, которое Гастон доставал на черном рынке. Красное, терпкое, оно окрашивало ее бледные губы и на короткое время притупляло фантомный холод, живший в ее костях.

Она читала. Часами сидела у окна, закутавшись в тяжелый шерстяной плед, и водила тонким пальцем по строчкам трактатов Руссо или романов Прево, но Гастон видел, что она не понимает ни слова. Ее взгляд был устремлен сквозь страницы, сквозь заиндевевшее стекло — туда, где над крышами Парижа незримо нависала тень «Национальной бритвы».

Ее мучила жестокая, изматывающая бессонница. Ночами, лежа на узкой кровати, она смотрела в потолок широко открытыми глазами.

Контраст между их мирами ощущался физически. Каждое утро, возвращаясь после ночных дежурств, Гастон приносил свежий хлеб. Он покупал его в пекарне на углу, пряча горячую буханку под плащом. Заходя в промозглую комнату, он приносил с собой восхитительный, уютный аромат теплого теста, хрустящей корочки, дрожжей и домашнего очага — запах нормальной, мирной жизни, которой больше не существовало.

Но стоило ему подойти к ней, как этот запах разбивался о невидимую стену. От Изабель, несмотря на то, что она была живой и дышащей, исходил едва уловимый, но неотвязный аромат увядания. И еще — тяжелый, медный, бьющий по нервам запах крови, который, казалось, источала сама черная бархотка на ее шее. Этот запах преследовал Изабель, он пропитал ее волосы, ее кожу, ее кошмары. Для нее весь мир пропах ржавым железом и смертью.

Гастон отламывал кусок горячего хлеба, протягивал ей. Она брала его трясущимися пальцами, механически подносила к губам, но ее расширенные ноздри улавливали не аромат выпечки. Она смотрела на руки Гастона, подсознательно ища на них въевшиеся бурые пятна, и кусок вставал у нее поперек горла.

Шрам под бархоткой был тайной, которую Гастон пытался разгадать с упорством военного хирурга, столкнувшегося с неизвестной инфекцией. Его прагматичный разум из двадцать первого века бунтовал против мистики, но факты были упрямой вещью.

Рана не гнила. Не было ни запаха некроза, ни багрового воспаления, характерного для гангрены. Но она и не заживала.

Иногда, когда Изабель, сморенная вином и усталостью, все же проваливалась в короткое, тревожное забытие, Гастон садился рядом с кроватью. В тусклом свете огарка свечи он осторожно, стараясь не разбудить ее, осматривал края черного бархата.

Ткань часто становилась влажной. Сквозь нее проступала сукровица — прозрачная, желтоватая плазма, смешанная с каплями свежей, яркой крови. Это была рана, застывшая в моменте своего нанесения. Магический рубец, который физически удерживал жизнь в ее теле, но при этом заставлял плоть бесконечно переживать момент удара.

Изабель страдала от постоянной тупой боли. Гастон видел, как она неосознанно морщится, как ее пальцы дергаются в сторону шеи, чтобы тут же бессильно упасть на колени. Она не жаловалась, но ее молчаливое страдание сводило его с ума.

Однажды вечером, когда сукровица просочилась сквозь бархотку особенно сильно, испачкав воротник ее сорочки, Гастон не выдержал. Он принес таз с горячей водой, чистые холщовые тряпицы и склянку со спиртом.

— Позволь мне, — тихо сказал он, садясь перед ней на корточки.

Изабель вздрогнула, ее глаза наполнились паникой. Она инстинктивно вжалась в спинку кресла.

— Нет... не трогай. Она разойдется... я истеку кровью.

— Не разойдется, — твердо, но мягко произнес Гастон. — Я не буду снимать ленту. Я только очищу кожу вокруг. У тебя начнется жар, если туда попадет грязь. Доверься мне.

Медленно, преодолевая ужас, она кивнула. Гастон смочил ткань в теплой воде. Его огромные, мозолистые руки, привыкшие сжимать эфес сабли и цевье автомата в прошлой жизни, действовали с невероятной, ювелирной осторожностью. Он промокал влажную кожу над и под бархоткой, стирая липкие следы сукровицы.

Под его пальцами плоть Изабель была горячей и напряженной, как струна. Он чувствовал, как бьется ее пульс — частый, рваный. И в этот момент, стирая очередную каплю крови с ее ключицы, Гастон ощутил, как его накрывает тяжелая, темная волна собственнической нежности. Она была сломленной птицей, а он — ее единственным укрытием в эпицентре кровавого шторма.

глава седьмая

Глава 9. Металлический привкус кошмара

Ночи были худшим временем. Когда Париж затихал, погружаясь в липкую темноту, демоны Изабель вырывались на свободу.

Гастон проснулся от того, что его плечо обожгло болью. Изабель, спавшая рядом с ним на широкой кровати (однажды он просто перенес ее туда, поняв, что тепло его тела — единственное, что хоть как-то согревает ее), билась в жестоком припадке. Ее пальцы, скрюченные как птичьи когти, до крови царапали его кожу.

Она кричала во сне. Это был не членораздельный крик, а сдавленный, булькающий хрип.

— Изабель! Проснись! — Гастон перехватил ее запястья, прижимая ее к матрасу. — Это сон! Ты здесь, со мной!

Она распахнула глаза, но в них плескалась непроглядная тьма эшафота.

— Пахнет... железом, — выдохнула она, колотясь в его руках. — Корзина... в ней опилки и кровь. Гастон, они пахнут железом!

Ее грудная клетка ходила ходуном. В своем кошмаре она не просто видела казнь — она физически ощущала тяжесть падающего лезвия, слышала свист рассекаемого воздуха, чувствовала на губах медный, тошнотворный вкус чужой и своей собственной смерти.

В такие моменты уговоры не действовали. Психологическая травма, помноженная на темную магию ее отца, была сильнее любых рациональных доводов. Изабель задыхалась, шрам под бархоткой начинал пульсировать и кровоточить, отзываясь на фантомный удар.

Гастон действовал инстинктивно. Он подмял ее под себя, своим весом вдавливая ее в постель, блокируя панику грубой физической силой. Он зарылся лицом в ее шею, чуть выше проклятой бархотки, и начал жадно целовать бьющуюся жилку.

— Смотри на меня, — рычал он, его голос вибрировал от сдерживаемой ярости на этот мир, который сломал ее. — Смотри на меня! Ты чувствуешь, как бьется мое сердце? Чувствуешь, как я дышу? Ты жива, Изабель! Жива!

Он кусал ее кожу — не до крови, но достаточно сильно, чтобы боль от укуса перебила фантомную боль гильотины. Изабель судорожно вдохнула, ее спина выгнулась дугой, встретившись с его твердым, горячим телом. Реальность — грубая, пропахшая мужским потом и мускусом — ворвалась в ее сознание, вытесняя запах железной корзины.

Она обхватила его за шею, вцепившись в волосы, и разрыдалась. Горько, отчаянно, смывая слезами остатки кошмара.

глава восьмая

Глава 8. Резонанс и покорность

В эту ночь Гастон сделал открытие, которое навсегда изменило баланс их сил.

Когда Изабель рыдала на его груди, ее рука, как и в первый раз, машинально скользнула к тяжелой серебряной ладанке. Но теперь Гастон внимательно следил за реакцией.

Как только ее пальцы коснулись металла, шрам на ее шее перестал сочиться сукровицей. Изабель глубоко вздохнула, ее мышцы расслабились. Ладанка не просто успокаивала ее психику — она вступала в прямой резонанс с магией, удерживающей ее жизнь.

Гастон, человек из эпохи науки, понял механизм. Древний артефакт работал как батарея. Он поглощал окружающий ужас, преобразовывая его в чистую энергию, и теперь эта энергия перетекала в Изабель, заживляя, пусть и на время, ее разорванную ауру и кровоточащую плоть.

Но у этого была цена. Передача энергии требовала контакта.

Утром, когда метель за окном немного утихла, Гастон сидел в кресле, чистя саблю. Изабель подошла к нему сама. Впервые за все время ее глаза были ясными, а движения лишились механической обреченности.

Она опустила на колени прямо перед ним. На ней была только тонкая белая сорочка, сползшая с одного плеча. Гастон замер, отложив клинок.

Изабель подняла на него взгляд. В нем больше не было паники. В нем читалась глубокая, почти пугающая преданность существу, осознавшего свою абсолютную зависимость. Она нуждалась в нем не просто как в защитнике. Она нуждалась в его энергии, в его тепле, в его артефакте, чтобы выжить.

Ее тонкие, бледные пальцы потянулись к расстегнутому вороту его рубашки и легли прямо на теплую серебряную ладанку.

— Я не смогу без тебя, — прошептала она, и в ее шелестящем голосе прозвучала нота первобытной чувственности. — Если ты уйдешь... лезвие упадет до конца.

Гастон сглотнул. Он протянул руку и медленно, почти грубо зарылся пальцами в ее тяжелые, темные волосы, оттягивая ее голову назад. Изабель податливо подставила ему горло с неизменной черной бархоткой.

— Я не уйду, — хрипло ответил он, чувствуя, как внутри него просыпается темный, первобытный инстинкт собственника. — Ты — моя. До последнего вдоха, Изабель.

Он наклонился и грубо накрыл ее губы поцелуем, запечатывая этот молчаливый, безумный договор между живым мертвецом и солдатом, потерявшимся во времени. И в этот момент, в их добровольном безумии, они оба поняли, что из этой золотой клетки на чердаке они уже никогда не захотят выйти.

Гастон смотрел на нее, стоящую перед ним на коленях, и чувствовал, как рушатся последние бастионы его цинизма. В ее глазах, устремленных на него снизу вверх, больше не было ни обреченности жертвы, ни животного страха. Там, в глубокой, темной радужке, зажглось нечто новое — хрупкое, пугающе искреннее и бесконечно нежное. Она отдавала ему не просто тело. Она вручала ему свою расколотую надвое душу.

Он бережно взял ее за плечи и заставил подняться. Его грубые, покрытые мозолями и старыми шрамами руки скользнули по ее тонким рукам, сплетая их пальцы.

— Тебе больше не нужно бояться, — почти беззвучно произнес Гастон.

Он легко подхватил ее на руки, словно она ничего не весила. Изабель доверчиво прильнула к его груди, спрятав лицо на его плече. От нее пахло теплом, чистым льном и едва уловимым, сладковатым ароматом женской кожи, в котором наконец-то растворился запах увядания.

Гастон опустил ее на кровать, застеленную чистыми простынями. Зимний свет из узкого окна уже померк, и комнату освещало лишь янтарное, мягкое сияние углей в камине. Тени плясали на бревенчатом потолке, отгораживая их крошечный мирок от обезумевшего Парижа.

Он не спешил. Сегодня не было места грубости или отчаянию. Гастон медленно, с благоговением стянул с нее сорочку, позволяя ткани бесшумно упасть на пол. В неровном свете огня ее нагота казалась совершенной. Изабель чуть вздрогнула от прохладного воздуха, но не отвела взгляд. Она смотрела, как он расстегивает свой тяжелый мундир, как сбрасывает сапоги и рубашку, оставаясь перед ней в своей уязвимой, мужской первобытности.

Его тело было испещрено шрамами — следами войны, о которой он не помнил. Изабель протянула руку и кончиками пальцев невесомо, словно боясь причинить боль, провела по рваному рубцу на его боку. Это прикосновение было таким легким, но Гастон почувствовал, как оно прошло его разрядом тока до самого сердца.

Он лег рядом с ней, притягивая ее к себе. Контраст их тел завораживал: его смуглая, горячая, литая из мышц кожа и ее мраморная, хрупкая белизна.

Гастон начал целовать ее — медленно, глубоко, изучая каждый изгиб ее губ. Это был поцелуй, в котором он пытался передать ей всю ту жизнь, что бурлила в нем самом. Изабель ответила. Ее губы, прежде неподвижные и холодные, раскрылись навстречу, отвечая с робкой, но нарастающей жадой. Она обхватила его за шею, ее пальцы зарылись в его густые волосы.

Его губы скользнули по ее подбородку вниз. Он покрывал невесомыми, горячими поцелуями ее ключицы, спускаясь к груди. Изабель прерывисто вздохнула, ее спина выгнулась, грудь часто задышала. Гастон ласкал ее так бережно, словно она была соткана из тончайшего хрусталя, который мог разбиться от одного неверного движения.

Серебряная ладанка, свисающая с его шеи, мягко скользила по ее коже, оставляя за собой пульсирующий, теплый след. Артефакт больше не обжигал. Он словно пел, резонируя с бием их сердец, напоитывая Изабель исцеляющей энергией.

В комнате пахло тающим снегом, дровами и терпким, сладким мускусом распаренных тел. Шероховатые подушечки пальцев Гастона очерчивали линию ее бедер, вызывая на коже Изабель мелкую дрожь. Она плавилась под его руками, превращаясь из ледяной статуи в живую, трепещущую от наслаждения женщину.

Он осыпал поцелуями ее плечи, осторожно, с ювелирной точностью обходя черную бархотку. Он не пытался ее снять, признавая этот болезненный атрибут частью ее самой. Вместо этого он целовал кожу в миллиметре от черного бархата, словно говоря: «Я принимаю твою боль. Я принимаю твою смерть и твою жизнь».

Когда они стали одним целым, Изабель не сдержала тихого, протяжного стога. В нем не было ни капли страдания — только чистое, звенящее удовольствие и безграничное доверие. Движения Гастона были плавными, тягучими, наполненными глубокой чувственностью. Он ловил каждый ее взгляд, каждый вздох, читая по ее распахнутым, потемневшим глазам степень ее наслаждения.

Она обнимала его так крепко, словно он был единственной опорой во вселенной. Ее ногти оставляли легкие полумесяцы на его спине, а с губ срывались бессвязные, сладкие шепоты. Гастон чувствовал, как внутри него растекается абсолютная, пронзительная любовь к этой изломанной, но не сдавшейся девочке. Они двигались в едином ритме, и с каждым толчком, с каждым поцелуем смерть, стоявшая за ее плечом, отступала всё дальше во мрак.

Когда волна разрядки накрыла их обоих, Изабель вскрикнула, прижимаясь к нему всем телом, содрогаясь в его руках от невероятной, ослепительной вспышки света. Гастон уткнулся лицом в ее влажные от пота волосы, чувствуя, как бьется ее сердце — сильно, ровно, ритмично. Сердце абсолютно живой женщины.

Они долго лежали в тишине, укрывшись тяжелым одеялом. Изабель положила голову ему на грудь, прямо поверх серебряной ладанки. Ее дыхание успокаивало. Гастон гладил ее по обнаженному плечу, чувствуя себя абсолютно счастливым — впервые за эти два адских года.

Но идиллия никогда не длится долго.

Тишину комнаты, прерываемую лишь треском камина, внезапно разорвал звук, от которого кровь Гастона мгновенно превратилась в лед.

Снизу, с первого этажа дома, донесся оглушительный грохот. Кто-то яростно колотил прикладами мушкетов в дубовую входную дверь.

— Именем Республики! — эхом разнесся по подъезду хриплый, злой голос, который Гастон слишком хорошо знал. Голос комиссара Шометта. — Открывайте, капитан Леруа! Поступил сигнал! Комитет спасения знает, кого вы прячете на чердаке!

Изабель замерла. В одно мгновение тепло ушло из ее тела, и Гастон почувствовал, как под его рукой шрам под черной бархоткой вновь стал влажным от свежей крови.

глава девятая

Глава 9. Спуск в преисподнюю

Грохот прикладов о дубовую дверь первого этажа разнесся по лестничному колодцу, как оружейные залпы. Иллюзия безопасности, которую Гастон и Изабель выстроили на своем чердаке, разлетелась вдребезги.

Гастон действовал с холодной, автоматической расчетливостью солдата, попавшего в засаду. Никакой паники. Только рефлексy. Он вскочил с постели, одним движением натянул штаны, схватил саблю и перевязь.

— Одевайся! Быстро! — рявкнул он Изабель, бросая ей теплое суконное платье и тяжелый плащ.

Она не задавала вопросов. Ужас, сковавший ее на мгновение, уступил место инстинкту выживания, который Гастон разбудил в ней за эти недели. Ее бледные пальцы проворно зашнуровали лиф, она накинула плащ, наглухо закрывая шею с черной бархоткой.

Дверь внизу с треском поддавалась. Послышался топот тяжелых сапог по деревянным ступеням и грубая ругань гвардейцев.

— Сюда, — Гастон распахнул окно, выходящее не на улицу, а на покату, заснеженную крышу, примыкающую к соседнему зданию.

Он перебрался через подоконник, встал на обледелую черепицу и протянул руку Изабель. Зимний ветер ударил в лицо, обжигая легкие. Внизу, в узком колодце двора, чернела бездна. Гастон подхватил ее, прижал к себе и, скользя по обледелому скату, перевел к чердачному окну соседнего, заброшенного дома. Они ввалились внутрь как раз в тот момент, когда дверь их квартиры разлетелась в щепки под ударами топоров комиссара Шометта.

Это было лишь началом их пути во тьму.

Понимая, что квартал оцеплен, Гастон повел Изабель вниз, в чрево Парижа. Они миновали черные лестницы, пустые подвалы и, взломав ржавую решетку в старом винном погребе, спустились туда, куда не рисковала соваться даже Национальная гвардия.

В парижские катакомбы.

Здесь, под мостовыми, по которым громыхали телеги смертников, лежал город мертвых. Миллионы костей, вывезенных со старых кладбищ вроде Невинных, были свалены в бесконечные галереи бывших каменоломен. Воздух здесь был спертым, тяжелым. Он пах селитрой, сырой землей, плесенью и сладковатой, вековой гнилью.

Свет тусклого фонаря, который Гастон прихватил с собой, выхватывал из мрака циклопические стены, сложенные из человеческих костей и черепов. Пустые глазницы смотрели на них отовсюду.

Но они были здесь не одни. Подземелья кипели своей, извращенной жизнью. Вдоль стен, прямо на костях, сидели и лежали те, кого выплюнула Революция. Дезертиры, беглые аристократы, лишившиеся рассудка священники, воры, проститутки и нищие. Они жались к скудным кострам из гнилых досок, провожая Гастона и Изабель голодными, лихорадочными взглядами. Гастон положил руку на эфес сабли и обнажил лезвие на пару дюймов. Холодный блеск стали отбил у подземных крыс желание нападать.

Изабель шла позади него, вцепившись в его плащ. Ее знобило. Но не от холода подземелий. Она чувствовала, как мертвая аура этого места начинает просачиваться сквозь ее кожу.

Гастон увел их глубоко в лабиринт, подальше от основного скопления бродяг. Он нашел сухой альков — небольшую нишу в стене, образованную обвалом известняка. Сверху, сквозь узкую вентиляционную отдушину, ведущую в какой-то подвал на поверхности, пробивался бледный, серый дневной свет и падали редкие снежинки.

Это стало их домом.

За пару золотых луидоров, которые Гастон носил зашитыми в подкладку мундира, он выкупил у местного контрабандиста самое необходимое. Тюфяк, набитый прелой соломой, надколотый глиняный кувшин с мутной водой и старое, невероятно вонючее солдатское одеяло, пропахшее псиной и застарелым потом.

Физиология выживания взяла верх. Здесь не было места брезгливости. Гастон усадил Изабель на тюфяк, укутал ее в это грязное одеяло поверх плаща, и сел рядом, тяжело привалившись к стене.

— Мы не задержимся здесь, — сказал он, сжимая ее холодные пальцы. — Как только патрули Шометта устанут прочесывать наш квартал, мы уйдем. Я выведу нас из Парижа.

Он понимал, что в своем синем мундире капитана он теперь — ходячая мишень. Ему нужна была маскировка.

Дождавшись, когда Изабель, сморенная усталостью, провалилась в тревожную дремоту, Гастон оставил ей свой фонарь, а сам растворился в темноте коридоров. Он выбрался на поверхность глубокой ночью, словно хищник на охоту. Париж спал беспокойным сном. Гастон выследил двоих пьяных санкюлотов, возвращавшихся из кабака в предместье Сент-Антуан. Он не стал их убивать — просто оглушил рукоятью сабли в темной подворотне и раздел.

Когда он вернулся в подземелье под утро, в его руках был тюк с грязной одеждой: полосатые штаны, грубые куртки-карманьолы, деревянные сабо и красные фригийские колпаки. Идеальный камуфляж для эпохи Террора. Грязь, лохмотья и вонь были их пропуском на свободу.

Но, подойдя к их алькову, Гастон почувствовал, как сердце пропускает удар. Фонарь погас, но в бледном свете, падающем из отдушины, он увидел Изабель. Она сидела на тюфяке, забившись в самый угол, обхватив колени руками. Она раскачивалась из стороны в сторону, а ее губы беззвучно шевелились, словно она вела беседу с невидимыми собеседниками.

глава десятая

Глава 10. Симфония черепов

Для Изабель эти часы в одиночестве превратились в изошренную готическую пытку.

Она не была обычной женщиной. Магия графа де Монфора, сделала ее тело живым, но ее душа осталась привязана к тонкой, пульсирующей нити, отделяющей бытие от небытия. На поверхности, рядом с горячим, живым Гастоном, эта нить крепла. Но здесь, в склепе на шесть миллионов человек, магия начала давать сбой.

Сначала это был просто шепот. Ей казалось, что ветер, гуляющий по тоннелям, приносит обрывки фраз. Затем звуки стали громче. Это был не шум бродяг. Это был сухой, шелестящий звук, похожий на трение пергамента о камень.

Изабель подняла глаза и посмотрела на стены. В слабом свете отдушины ряды пожелтевших черепов, аккуратно сложенных в узоры безымянными рабочими, казалось, ожили. Пустые глазницы были устремлены прямо на нее. Они узнавали в ней свою. Они чувствовали печать Смерти, запрятанную под черной бархоткой.

«Иди к нам...» — прошелестел голос старика без челюсти, лежащего на уровне ее глаз.

«Твое место здесь, в пыли...» — вторил ему хор тонких, детских голосов из груды костей справа.

Изабель зажала уши руками, но голоса звучали не снаружи. Они резонировали внутри ее черепной коробки. Смерть, разлитая в катакомбах, намагнитила ее рану.

Шрам на шее вспыхнул адской болью. Это была не фантомная боль, а физическое, разъедающее жжение, словно под бархоткой копошились могильные черви. Ткань мгновенно намокла. Сукровица, смешанная с густой черной кровью, потекла по ключицам, пачкая платье.

Воздух в алькову сгустился, стал ледяным. Изабель начала задыхаться. Кости вокруг нее, казалось, вибрировали, исполняя макабрическую симфонию. Она была заживо погребена среди тех, кому завидовала — они покоились в мире, а она была обречена на вечное зависание между жизнью и гниением.

Когда Гастон шагнул в нишу, Изабель уже билась в сильной лихорадке. Ее лоб был горячим как печь, а тело содрогалось от крупной дрожи. Одеяло сбилось в сторону.

Гастон отбросил украденные вещи и упал перед ней на колени.

— Изабель! Изабель, посмотри на меня! — Гастон схватил ее за плечи, пытаясь вырвать из бреда.

Она обмякла в его руках, запрокинув голову. Черная бархотка пропиталась кровью насквозь. Гастон поспешно сорвал с шеи свою серебряную ладанку и прижал древний металл прямо к ее пылающему лбу, надеясь, что артефакт впитает тьму, как делал это раньше.

Но магия катакомб была слишком сильна. Металл раскалился, обжигая пальцы Гастона, но лихорадка не спадала. Изабель металась на грязном тюфяке. Ее глаза были полуоткрыты, закатившись так, что виднелись только белки с полопнувшимися красными капиллярами.

Она начала говорить. Но это был не ее шелестящий, тихий голос. Это был чужой, низкий, надломленный хрип человека, которому сдавили горло.

— Холодно... Господи, доски такие холодные... — бормотала она, впиваясь ногтями в предплечья Гастона с такой силой, что прорвала сукно рубашки. — Запах опилок... они кислые... они пахнут блевотиной и чужой кровью...

Гастон замер. Волосы на его затылке встали дыбом. Она описывала эшафот. Причем описывала его не со стороны зрителя, а со стороны того, кто лежит на животе, привязанный к откидной доске — «баскюлю».

— Держись, девочка, держись, мы скоро уйдем отсюда, — шептал он, стирая пот с ее лица, чувствуя себя абсолютно беспомощным.

Внезапно Изабель выгнулась дугой. Ее руки судорожно метнулись назад, словно кто-то грубо стягивал их за спиной веревкой.

— Не надо так туго! — крикнула она в пустоту, и из уголков ее губ потекла слюна. — Волосы... вы тянете меня за волосы!

А затем она произнесла слова, которые заставили сердце Гастона — солдата, прошедшего бойни двадцать первого века, — остановиться от первобытного ужаса.

Изабель повернула голову, словно глядя на кого-то высокого, стоящего рядом с ней, и ее голос стал умоляющим, почти детским.

— Мсье Сансон... — прохрипела она, называя по имени Шарля Анри Сансона, главного палача Республики. — Мсье Сансон, умоляю вас... нож... он заржавел в пазах... Пожалуйста, скажите своим помощникам... пусть не медлят. Сделайте это быстро. Я не хочу слышать, как он скрипит...

Она резко захрипела и обмякла, потеряв сознание.

Гастон сидел на коленях в сырой грязи катакомб, тяжело дыша. В подземелье было тихо, только капли воды падали с потолка.

Он знал историю. Граф де Монфор и его семья были арестованы всего месяц назад. Изабель, юная дочь графа, до этого ни разу не привлекалась к суду, никогда не поднималась на эшафот площади Революции и уж точно не могла знать, как пахнут опилки в корзине Сансона или как скрипят плохо смазанные пазы гильотины.

Он медленно перевел взгляд на ее шею. На широкую, пропитанную свежей кровью черную бархотку, опоясывающую горло.

Рациональный пазл в голове капитана из будущего со щелчком сложился, образовав картину, от которой стыла кровь. Изабель не просто боялась гильотины. Изабель не предвидела свою казнь.

Она её вспомнила.

глава одиннадцатая

Глава 11. Анатомия безумия

Слова, брошенные Изабель в горячечном бреду, повисли в затхлом воздухе катакомб, тяжелые и неотвратимые, как удар судейского молотка. Гастон сидел на сырой, покрытой костяной пылью земле, не в силах оторвать взгляд от окровавленной черной бархотки на ее горле.

«Скрип пазов... Запах кислых опилок... Мсье Сансон...»

Мозг Гастона, натренированный анализировать информацию на поле боя, заработал с пугающей, безжалостной ясностью. Солдату двадцать первого века было свойственно искать рациональные объяснения, но сейчас радио разбивалось о гранит невозможного.

Дочь графа де Монфора никогда не была на эшафоте. Она ни разу не покидала свой особняк до ареста. Но эти детали... Человек, не лежавший на животе под нависающим лезвием гильотины, физически не мог знать, как пахнет корзина, в которую падает голова, и как звучит трение ржавого железа о деревянные направляющие в последние миллисекунды жизни.

Гастон протянул дрожащую руку и невесомо коснулся мокрого от пота и слез лица Изабель. Она спала, глубоко и тяжело, провалившись в спасительное забытие после выброса фантомной боли.

Ответ был чудовищен. Он разрушал все законы физики, биологии и мироздания, которым Гастона учили в его времени.

Изабель — не провидица. Она — жертва.

Она уже была там. Она уже умерла.

— Господи Иисусе... — хрипло выдохнул Гастон в темноту, убирая прилипшую прядь с ее бледного лба.

Его разум начал реконструировать картину, от которой в жилах стыла кровь. Граф Этьен де Монфор, старик с потухшим взглядом и сладковатым запахом увядания, увлекался оккультизмом. Гастон помнил это из исторических справок. Но он считал это лишь блажью скучающего аристократа, фокусами с магнитами и спиритическими досками.

Но что, если это была не игра?

Гастон попытался представить физиологию процесса. Гильотина — это идеальная, бесперебойная машина смерти. Лезвие весом в сорок килограммов падает с высоты почти трех метров. Оно перерубает кожу, мышцы, трахею, пищевод, сонные артерии и, наконец, раздробляет шейные позвонки, рассекая спинной мозг. Смерть наступает почти мгновенно, хотя мозг, лишенный кислорода, еще несколько секунд продолжает осознавать происходящее, пока глаза моргают на дне корзины.

Как можно превратить кусок разрубленного мяса в живую, горячую, дышащую женщину, которая пьет вино, читает книги и стонет от наслаждения в его постели?

В голове Гастона развернулась мрачная, физиологичная сцена, смешанная с грязным реализмом парижских задворков.

Она не была дочерью графа. Вероятно, она была его сестрой. Юной сестрой, которая попала под первую, самую дикую волну Террора — Сентябрьские убийства девяносто второго года. Гастон помнил, как тогда толпы санкюлотов врываются в тюрьмы и рубили аристократов топорами, а гильотины работали без остановки.

Он представил себе эту ночь. Ночь, когда старый граф де Монфор, обезумевший от горя, пробирается на кладбище Мадлен, куда свозили тела казненных. Туман, смешанный с запахом извести, которой пересыпали трупы, чтобы они быстрее гнили. Звон золотых монет, переходя-

щих из рук аристократа в грязные, мозолистые ладони помощников Сансона — гробовщиков, которые всегда были не прочь заработать на мертвецах.

«Найдите ее», — наверняка просил граф.

И они искали. Искали в груди обезглавленных тел изломанную, хрупкую фигурку в пропитанном кровью платье. Искали в корзинах, среди десятков других лиц с застывшим выражением ужаса, ее голову с растрепанными темными волосами.

Гастон зажмурился до боли под веками. Его замутило.

Как проходил сам ритуал? Граф привез останки в свой тайный кабинет. Подвал особняка в предместье Сен-Жермен. Запах формалина, воска и увядающих лилий, который Гастон почувствовал при обыске, — это был запах той самой страшной ночи.

Монфор положил тело на стол. Приставил отрубленную голову к обрубку шеи. И начал шить. Гастон почти наяву услышал влажный, тошнотворный хруст суровой нити, пробивающей остывшую, мертвую плоть. Игла в руках чернокнижника сшивала порванные артерии, соединяла разорванные мышцы. Это была чудовищная хирургия, хирургия отчаяния.

Но одной нитью не запустить остановившееся сердце. Не вернуть искру в потухшие глаза. Для этого нужна была магия. Темная, первобытная, требующая колоссальной жертвы. Граф обратился к силам, названия которых не знал ни один современный учебник. Он влил в этот изуродованный сосуд демоническую или божественную энергию, заставляя кровь — возможно, даже чужую кровь — снова побежать по сшитым венам.

А чтобы удержать душу в разорванном теле, чтобы запечатать границу между жизнью и смертью, он повязал на страшный, рубцовый шов широкую черную бархотку. Печать заклęcia.

Ритуал сработал. Изабель открыла глаза. Она стала живой. Она ела, спала, чувствовала холод и тепло. Но ее память милосердно заблокировала момент казни, оставив лишь животный, иррациональный страх перед стуком телег и видом падающего ножа. А рана под бархоткой так и не смогла зажить до конца, превратившись в магический шрам, вечно кровоточащий фантомной смертью.

Гастон открыл глаза.

В полумраке катакомб, среди миллионов пустых черепов, он смотрел на спящую девушку. Обычный человек на его месте сбежал бы. Рассудок нормального мужчины не выдержал бы осознания того, что он спал с женщиной, чью голову однажды достали из корзины с опилками. Это была некромантия. Это было богохульство.

Но Гастон не был нормальным человеком. Он был солдатом, потерявшим свое время, свою страну и самого себя. Он видел на Донбассе, как тела его товарищей разрывало на куски снарядами. Он знал цену жизни и смерти. И он знал, что плоть — это всего лишь оболочка.

В груди Изабель билось живое сердце. Ее слезы были солеными. Ее стоны в его объятиях были полны искренней, трепещущей страсти. Она была самой живой из всех в этом мертвом, обезумевшем мире.

Монстр? Франкенштейн в юбке? Оживший мертвец?

Гастону было плевать.

Его цинизм окончательно рассыпался, уступая место темной, свирепой, всепоглощающей преданности. Если она — проклятое создание, значит, он станет хранителем ее проклятия. Если ее жизнь держится на магии его серебряной ладанки, он никогда не снимет ее с шеи, даже если это выжжет его собственную душу.

Гастон наклонился вперед. Его губы, сухие и потрескавшиеся, коснулись черной, пропитанной кровью бархотки. Он не испытывал ни отвращения, ни страха. Только острую, почти физическую боль за то, через что ей пришлось пройти.

— Я никому тебя не отдам, — прошептал он в самую ткань, вдыхая смешанный запах железа и лилий. — Слышишь? Даже если за тобой придет сам дьявол... или Сансон. Им придется сначала отрубить голову мне.

Он бережно подхватил ее обмякшее тело, кутая в грязное одеяло, и крепко прижал к своей груди, позволяя серебряной ладанке вновь начать свою невидимую работу, отдавая его жизненную энергию той, что победила гильотину.

глава двенадцатая

Глава 12. Алтарь из мертвых камней

Тьма парижских катакомб была густой, осязаемой. Она обволакивала, проникала в легкие вместе с запахом гнили и вековой пыли. Альков, в котором они прятались, перестал быть безопасным. После приступа, когда Изабель заговорила голосом с эшафота, кости вокруг, казалось, начали источать еще больше могильного холода. Тонкая нить, привязывающая ее душу к живому телу, истончалась с каждой минутой, проведенной среди миллионов мертвецов.

Гастон понял: пассивного тепла от его объятий больше недостаточно. Ладанка на его груди пульсировала, но энергия рассеивалась в промерзлом воздухе. Изабель угасала. Ее кожа приобрела синюшный оттенок, а дыхание стало прерывистым, поверхностным. Рана под бархоткой продолжала сочиться черной сукровицей, словно само подземелье вытягивало из нее жизнь.

Он подхватил ее на руки, закутав в плащ, и понес глубже в лабиринт, подальше от сквозняков и посторонних глаз редких бродяг. Фонарь давно погас. Гастон шел на ощупь, ведомый каким-то первобытным, звериным чутьем и тусклым, почти невидимым свечением, которое теперь исходило от раскаленного серебра на его груди.

Галерея расширилась. Воздух здесь был суше. Посреди небольшой естественной пещеры, окруженной молчаливыми стенами из спрессованных черепов, возвышался массивный, плоский камень. То ли обломок старой каменоломни, то ли забытый языческий алтарь времен римской Лютении.

Гастон осторожно опустил Изабель на этот холодный камень. Она не открыла глаз. Ее голова безвольно запрокинулась.

— Нет, Изабель. Не смей уходить, — прорычал он, скидывая с себя тяжелый мундир и рубашку.

Его рациональный разум отключился. Здесь, в царстве мертвых, законы физики не работали. Работала только магия, кровь и первобытная воля к жизни. Гастону нужно было замкнуть цепь. Превратить свое тело в проводник, через который жизнь вольется в ее пустеющие вены. Ему нужно было перебить ее агонию чем-то более сильным. Чем-то, что заставит ее разорванную плоть вспомнить, ради чего стоит дышать.

Он сбросил с нее тяжелый плащ, развязал шнуровку платья, стягивая грубую ткань. Она осталась обнаженной на ледяном камне — бледная, безупречно красивая, с зияющим черным клеймом на шее. Контраст между ее хрупкой наготой и грубым, грязным камнем алтаря пробирал до дрожи.

Гастон навис над ней. Его мускулы бугрились от напряжения, горячий пот катился по вискам. Он накрыл ее своим телом, прижимаясь горячей, литой грудью к ее заледеневшим ребрам. Тяжелая серебряная ладанка оказалась зажата прямо между их сердцами.

Металл вспыхнул. Изабель слабо вскрикнула, когда жар артефакта пронзил ее кожу, но Гастон не отстранился. Он грубо, властно впился в ее губы поцелуем, заставляя ее вдохнуть воздух из своих легких. Это был не поцелуй влюбленного. Это была реанимация. Жесткая, требовательная передача жизни.

Она попыталась вырваться. Инстинкт самосохранения, смешанный с фантомным страхом, заставил ее мышцы судорожно сжаться. Но Гастон был непреклонен. Он перехватил ее ледяные запястья своими большими, мозолистыми руками и с силой прижал их к камню над ее головой.

— Больше никаких палачей. Никакой смерти, — жарко зашептал он ей прямо в губы, кусая их, заставляя кровь прилить к лицу. — Здесь только я. Ты чувствуешь меня?

Его бедра тяжело и бескомпромиссно раздвинули ее колени. Он вошел в нее резко, глубоко, до самого основания.

Изабель издала сдавленный, хриплый крик, который эхом отлетел от мертвых стен. Боль разорвала пелену ее полуобморочного бреда. Глаза распахнулись. В них стояли слезы, но это были слезы живого человека. Тьма катакомб отступила перед всепоглощающей, животной тяжестью мужского тела, вторгающегося в ее плоть.

Это была темная, почти агрессивная эротика. Гастон двигался с яростным, размеренным ритмом. Каждый его толчок был направлен на то, чтобы выбить из нее остатки могильного холода. Он буквально вколачивал в нее жизнь. Камень под ее спиной был ледяным, а он — обжигающе горячим. Этот контраст сводил с ума, заставляя нервные окончания Изабель взрываться от перегрузки.

Серебряная ладанка между ними вибрировала, нагреваясь до предела. Она служила проводником. С каждым движением бедер, с каждым выдохом Гастон мысленно и физически отдавал ей свою энергию. Он отдавал ей свое здоровье, свою ярость, свою непоколебимую уверенность человека из двадцать первого века.

Он оторвался от ее губ и спустился ниже. Его рот скользнул по ее шее. Изабель напряглась, ожидая боли, ожидая фантомного удара лезвия, но вместо этого почувствовала горячие, влажные губы на черном бархате.

Гастон начал целовать ее шрам прямо через ткань. Он впитывал сочащуюся кровь, слизывал сукровицу, превращая источник ее страданий в эпицентр сумасшедшего наслаждения. Его язык давил на воспаленную плоть под бархатом, причиняя острую боль, которая мгновенно перетекала в сладкую, пульсирующую судорогу внизу живота.

— Моя... — рычал он, ускоряя темп. — Моя жизнь. Моя кровь. Никто не заберет.

Изабель всхлипнула. Ее тело, секунду назад готовое сдать себя смерти, внезапно ответило. Фантомный холод гильотины растворился в первобытном огне, который Гастон разжег в ее чреве. Она выгнулась на камне навстречу его толчкам. Ее руки вырвались из его хватки и впились в его широкую спину, оставляя на ней кровавые отметины от ногтей.

Звуки их тел — шлепки влажной плоти, тяжелое, хриплое дыхание, стоны, в которых перемешались агония и экстаз, — заполняли древнюю пещеру, заглушая шепот костей. Смерть была изгнана из этого радиуса абсолютным, концентрированным торжеством жизни.

Воздух вокруг них стал плотным, наэлектризованным. Магия графа де Монфора, которая поддерживала Изабель, вступила в алхимическую реакцию с мужской, жизненной силой Гастона и энергией тамплиерского артефакта.

Изабель больше не чувствовала алтаря под спиной. Она плыла в расплавленном золоте. Каждый глубокий толчок Гастона посылал волны жара от ее живота прямо к горлу. Боль в шраме окончательно исчезла, сменившись невыносимым, звенящим предчувствием разрядки.

Гастон смотрел в ее лицо. В тусклом свечении ладанки он видел, как меняется ее кожа. Синюшность ушла, уступив место яркому, живому румянцу. Губы распухли от его укусов, глаза потемнели и были полны дикой, животной страсти. Она больше не была жертвой. В ней проснулась первородная, женская сила, вскормленная его энергией.

Она обхватила его ногами, притягивая еще ближе, требуя еще большей глубины, еще большей силы.

— Гастон... — ее голос сорвался на высокий, чистый крик. Не имя палача. Его имя. Имя ее спасителя и ее хозяина.

Ее оргазм начался с мощной, спазматической волны, которая прокатилась по всему ее телу. Изабель закричала, запрокинув голову. Ее внутренние мышцы туго сжались вокруг него, вытягивая из него последние силы.

И в этот момент Гастон достиг своего предела. С хриплым, утробным рыком он излился в нее, чувствуя, как вместе с семенем он отдает ей часть своей собственной души. Серебряная

ладанка вспыхнула в последний раз нестерпимым жаром и погасла, превратившись в обычный, теплый кусок металла.

Они рухнули друг на друга на каменном алтаре, тяжело, судорожно глотая влажный пещерный воздух. Их тела блестели от пота, слившись в единый, неразделимый комок плоти в самом сердце царства мертвых.

Тишина, наступившая после их криков, была другой. Голоса пропали. Черепа в стенах больше не казались угрожающими наблюдателями — они стали просто мертвыми камнями. Жизнь победила.

Гастон перекатился на спину, утягивая Изабель на себя, чтобы ей не было холодно на алтаре. Она лежала на его груди, слушая грохот его сердца. Ее дыхание было ровным, глубоким.

Он осторожно провел пальцем по черной бархотке на ее шее. Ткань была сухой. Кровь остановилась. Рана, разорванная магией катакомб, была запечатана их тантрическим слиянием.

Изабель приподнялась на локтях. Ее темные волосы разметались по плечам. Она посмотрела на Гастона абсолютно ясным, осмысленным взглядом, в котором светилась глубокая, изматывающая нежность. Она наклонилась и сама, впервые по своей воле, прижалась губами к его губам, слизывая пот с его лица.

Это было не просто исцеление. Это было рождение заново. В сырости катакомб, на старом алтаре из камня и костей, капитан Национальной гвардии вытащил свою женщину с того света во второй раз, и теперь ни смерть, ни Революция не могли разорвать их связь.

глава тринадцатая

Глава 13. Ледяной капкан Парижа

Подъем из царства мертвых занял несколько часов. После первобытного, яростного слияния на каменном алтаре их тела гудели от усталости, но это была живая, пульсирующая усталость, а не могильное оцепенение. Гастон вел Изабель сквозь узкие, полузатопленные лазы, ориентируясь по усиливающемуся потоку холодного воздуха.

Париж встретил их жестоким февральским морозом. Они выбрались через ржавую решетку сточного коллектора где-то в районе полуразрушенного аббатства Сен-Жермен-де-Пре. Гастон вытолкнул Изабель на поверхность, а затем с глухим рыком подтянулся сам.

Воздух снаружи казался кристально чистым по сравнению с затхлостью катакомб. Он обжигал легкие колючим льдом. Ночь была безлунной, затянутой тяжелыми, свинцовыми тучами. Город спал тревожным сном хищника, переваривающего дневную порцию крови.

Гастон огляделся. На нем были украденные лохмотья санюлота — грубая куртка-карманьола, деревянные сабо на босу ногу и надвинутый на самые брови фригийский колпак. Изабель была закутана в его старый плащ, поверх которого он набросил вонючее солдатское одеяло, чтобы скрыть ее фигуру и лицо. Внешне они ничем не отличались от тысяч бездомных бродяг, наводнивших столицу.

— Держись за мою спину, — шепнул Гастон, сжимая в кармане куртки рукоять спрятанной сабли. — Мы пройдем по набережной до заставы. Я знаю там одного сержанта, он берет взятки полновесным золотом. К утру будем за пределами города.

Изабель кивнула. Она шла за ним след в след, не опуская головы. Впервые за долгое время страх не парализовал ее. Внизу живота, там, где еще пульсировало эхо их близости, горел горячий, тугой комок энергии. Ладанка Гастона отдала ей все, что могла, запечатав рану. Бархотка на шее была сухой.

Они миновали две темные улицы, скользя по обледенелой брусчатке, прижимаясь к глухим стенам домов. До спасительной набережной оставалось всего несколько сотен ярдов, когда из-за угла, освещенного тусклым масляным фонарем, вынырнула группа людей.

Их было шестеро. Патруль Национальной гвардии в сопровождении двух комиссаров секции в высоких шляпах с трехцветными кокардами. Они были пьяны, агрессивны и явно искали, на ком сорвать злость после ночного дежурства.

Гастон инстинктивно задвинул Изабель за свою широкую спину и ссутулился, имитируя походку измученного пролетария.

— Эй, гражданин! — хрипло окликнул один из гвардейцев, вскидывая мушкет. — Куда прешься посреди ночи? А ну стой!

Гастон остановился, опустив голову.

— Идем в богадельню Святого Роха, граждане, — просипел он нарочито грубым, просторечным акцентом. — Моя баба заболела лихорадкой, ищем лекаря.

Патрульные подошли ближе. Вонь сивухи и немых тел ударила в нос. Один из комиссаров, шуплый человек с оспяным лицом, поднял фонарь, освещая фигуру Гастона.

— Лихорадкой? — комиссар принялся. — А почему от тебя пахнет так, будто ты вылез из могилы?

Гастон молчал. Его мышцы, закаленные годами спецназа в будущем и месяцами выживания в прошлом, сжались, как стальные пружины. Он просчитывал дистанцию. До гвардейца с мушкетом — два шага. До комиссара — шаг.

И тут случилось непредвиденное. Резкий порыв ледяного ветра сорвал с головы Гастона красный колпак, открыв его лицо в желтом свете фонаря.

Один из гвардейцев, высокий малый со шрамом через губу, внезапно побледнел. Он служил в оцеплении на площади Революции.

— Капитан? — выдохнул он, не веря своим глазам. — Гражданин комиссар... это же Леруа! Капитан Леруа, на которого вчера выдал ордер Шометт! Он изменник!

— Беги! — рявкнул Гастон, не оборачиваясь к Изабель.

Это был животный, первобытный рык. Гастон не стал тратить время на слова. Он ударил первым. Прямой, сокрушительный удар кулаком в кадык гвардейцу со шрамом. Послышался влажный хруст ломающегося хряща, солдат рухнул на брусчатку, задыхаясь и булькая кровью.

В ту же секунду Гастон выхватил из-под куртки саблю.

Началась свалка. Это не было благородным фехтованием в стиле мушкетеров. Это была грязная, жестокая уличная бойня на скользком льду. Гастон полоснул клинком по лицу второго гвардейца, превратив его крик в булькающий визг. Третий ударил Гастона прикладом в плечо — боль пронзила тело, но капитан лишь оскалился, перехватил мушкет за ствол и с силой вбил эфес своей сабли прямо в зубы нападавшему.

— Держите его! Стреляйте! — визжал оспяной комиссар, отступая в темноту.

Грянул выстрел. Пуля чиркнула Гастона по ребрам, разрывая сукно и обжигая кожу огнем. Он пошатнулся, поскользнувшись на кровавой слякоти. В этот момент оставшиеся трое навалились на него разом, давя массой. Чей-то сапог тяжело ударил его под дых. Сабля выскользнула из окровавленных пальцев.

Гастон упал на колени, но продолжал отбиваться кулаками, ломая кому-то челюсть. Он краем глаза искал в темноте фигуру в плаще.

Изабель стояла в тени арки, в десяти шагах от побоища. Она не убежала. Ее глаза были широко распахнуты, руки судорожно сжимали края одеяла.

«Уходи, дура! Уходи!» — кричали глаза Гастона, когда чьи-то руки безжалостно заломили его руки за спину.

Если они схватят ее, они сорвут бархотку. Они увидят шрам. Ее не просто казнят — ее разорвут на куски как исчадие ада, или она сама умрет от разрыва сердца прямо здесь, на грязном снегу.

Собрав последние силы, Гастон издал дикий, провоцирующий рев, плюнув кровью прямо в лицо комиссару, который подошел к нему с веревкой.

— Свины республиканские! — заорал он, привлекая к себе всё их внимание, каждую каплю их ярости. — Вы все сдохнете на своей же гильотине!

Уловка сработала. Разъяренный комиссар с размаху ударил его рукоятью пистолета по голове. Мир взорвался красными искрами, а затем погрузился в вязкую, гудящую темноту. Гастон рухнул лицом на обледенелую брусчатку. Последним, что он услышал перед тем, как потерять сознание, был скрип снега. Кто-то убежал в темноту переулка.

глава четырнадцатая

Глава 14. Рождение валькирии

Изабель бежала так, как никогда в жизни. Ее ноги, обутые в тонкие кожаные туфли поверх которых были намотаны тряпки, скользили по льду, но она не падала. Она ныряла в проходные дворы, перелезала через низкие заборы, пряталась за бочками с промерзшей дождевой водой, когда вдали слышались шаги патрулей.

Она остановилась только тогда, когда легкие начали гореть огнем, а ноги подкосились от усталости. Изабель рухнула на колени в каком-то глухом, темном тупике, пропахшем мочой и гнилой капустой.

Она осталась одна. В самом центре обезумевшего, жаждущего крови города.

Тишина тупика обрушилась на нее тяжелым прессом. И вместе с этой тишиной из самых темных уголков ее подсознания начали выползать знакомые демоны. Ледяной ветер коснулся ее шеи. Воображение услужливо подсуло скрип несмазанных пазов гильотины.

«Он мертв... или скоро будет мертв...» — прошептал ей на ухо голос из катакомб.

«Лезвие снова падает, Изабель. Оно ждет тебя».

Она начала задыхаться. Ее руки по старой, парализующей привычке метнулись к горлу. Пальцы впились в черную бархотку, ожидая почувствовать под ней липкую, теплую влагу свежей крови, ожидая ощутить, как шов расходится, и голова скатывается с плеч.

Но бархотка была сухой.

Изабель замерла. Она надавила на шрам сквозь ткань. Боли не было. Только тугое, плотное срастание плоти.

Она опустила руки на свой живот. Там, внутри, всё еще сохранялось тепло Гастона. Тяжелое, первобытное, мужское тепло, которое он вколотил в нее на алтаре мертвых. Он отдал ей свою силу не для того, чтобы она сдохла от страха в грязной парижской подворотне. Он закрыл ее своей спиной, принял на себя удары прикладов, чтобы она могла дышать.

В этот момент в сознании Изабель произошел колоссальный, тектонический сдвиг.

Образ сломленной, обреченной аристократки, покорно жующей тюремный хлеб, рассыпался в прах. Магия ее брата вернула к жизни тело, но только Гастон своей яростной, жертвенной любовью смог воскресить ее душу.

Если раньше она была пустым сосудом, наполненным страхом Смерти, то теперь этот сосуд до краев наполнился концентрированной волей к Жизни. И эта воля требовала действий.

Изабель медленно поднялась с колен. Она сбросила с плеч вонючее солдатское одеяло, оставив его лежать на снегу как символ своей прошлой слабости. На ней остался только плотный плащ Гастона, пахнущий его потом и табаком. Она плотнее закуталась в него, вдыхая этот запах как самый мощный стимулятор.

Она не была больше пассивной жертвой. В ее жилах текла кровь древнего рода де Монфоров, людей, которые сотни лет назад шли в крестовые походы и плели смертельные интриги при дворах королей. А еще — в ней текла бешеная энергетика солдата из двадцать первого века.

— Вы не получите его, — произнесла она вслух. Ее шелестящий голос, прежде похожий на шепот призрака, сейчас прозвучал низко, твердо и пугающе спокойно. — Ни Шометт, ни Робеспьер, ни сам дьявол.

Мозг начал работать с холодной, кристальной ясностью. Гастона отвезут в тюрьму Тампль или обратно в Консьержери. Учитывая, что он убил гвардейца, суд будет быстрым. У нее есть максимум два дня до того момента, как его имя окажется в списках Фукье-Тенвиля.

Ей нужны были деньги, одежда и связи. И она знала, где их взять.

Ее отец был не только оккультистом, но и прагматиком. В тайнике особняка их старой тетушки мадам де Сент-Амур на улице Фобюр-Сент-Оноре (чей дом конфисковали, но так и не заселили, боясь призраков) хранились векселя на предъявителя и драгоценности.

Изабель вышла из тупика. Походка изменилась. Она больше не жалась к стенам. Она шла по темным улицам Парижа ровно и уверенно, словно хищная птица, вышедшая на охоту. Тени от фонарей ложились на ее безупречно бледное, мраморное лицо. Глаза горели темным, inferнальным огнем.

Когда рассвет только начал окрашивать небо над Сеной в цвет запекшейся крови, Изабель де Монфор добралась до нужного особняка. Она взломала хлипкий замок черного хода куском ржавого железа, не обращая внимания на содранную в кровь кожу на пальцах.

Внутри пахло запустением. Она поднялась в будуар тетушки. Нашла тайник за деревянной панелью с резьбой в виде виноградной лозы. Мешочек с луидорами и шкатулка с бриллиантами тяжело легли в ее карман.

Затем она подошла к огромному, помутневшему венецианскому зеркалу. Впервые с момента своего воскрешения Изабель не отвела взгляд от своего отражения.

Она смотрела на широкую черную бархотку на своей шее. Больше это украшение не казалось ей печатью Смерти. Оно было боевым шрамом. Напоминанием о том, что она уже победила гильотину один раз. Победит и во второй.

Изабель сняла с себя грязный плащ. В шкафах тетушки нашлось скромное, но добротное платье горожанки темного бордового цвета, чистая сорочка и шерстяной плащ с глубоким капюшоном. Она переоделась. Тщательно расчесала спутавшиеся темные волосы, собрала их в строгий узел на затылке. Умыла лицо ледяной водой из кувшина, смывая грязь катакомб и остатки своих страхов.

Из зеркала на нее смотрела не жертва Террора. На нее смотрела Валькирия, готовая спуститься в ад, чтобы вырвать своего мужчину из пасти смерти. И если для этого ей придется подкупить весь Конвент, соблазнить комиссаров или перерезать горло самому палачу — она сделает это, не моргнув глазом.

Утро вступало в свои права. На улице загромыхали первые телеги. Изабель накинула капюшон и шагнула за дверь, растворяясь в утреннем тумане Парижа. Игра началась. И на этот раз правила будет диктовать она.

глава пятнадцатая

глава 15.

Паутина знойного Термидора

Июль тысяча семьсот девяносто четвертого года обрушился на Париж удушающим, невыносимым зноем. Город гнил заживо под раскаленным солнцем. Сена обмелела, источая злобоние, а над площадью Революции, где гильотина теперь работала по шесть часов кряду, роились тучи жирных черных мух. Эпоха Великого Террора достигла своего кровавого апогея. Робеспьер, ослепленный собственной властью, отправлял на эшафот уже не аристократов — их почти не осталось, — а своих недавних соратников. Конвент дрожал от страха. Воздух был пропитан паранойей и предчувствием неизбежного взрыва.

Все эти месяцы, с той самой ледяной февральской ночи, Изабель жила в состоянии сжатой пружины.

Она сняла крошечную комнатку в мансарде на улице Сен-Дени, назвавшись вдовой провинциального нотариуса. Бриллианты тетушки Сент-Амур стали ее главным оружием. Изабель быстро поняла, что в Республике Добродетели всё имеет свою цену. Она не пыталась взять тюрьму штурмом. Она действовала тоньше, изощреннее, плетя свою паутину в стиле тех самых интриг, которыми славился двор свергнутых королей.

Каждый день она ходила по лезвию ножа. Изабель подкупала клерков канцелярии Комитета общественной безопасности, чтобы дело Гастона Леруа постоянно перекладывали в самый низ стопки. Она платила тюремщикам Ла Форс золотом, чтобы капитану давали воду, еду и не переводили в общую камеру к тифозным больным. Она превратилась в призрак, скользящий по коридорам власти: строгая, холодная, с неизменной черной бархоткой на шее, скрытой муслиновой косынкой.

Ее целью был гражданин Тальен — один из самых коррумпированных и напуганных членов Конвента, чья любовница, Тереза Кабаррюс, сама ожидала казни. Изабель не могла добраться до него лично, но она нашла его доверенного секретаря, некоего месье Фруша.

Встреча состоялась в душном, пропахшем дешевым вином кабинете позади таверны «Слепой петух».

— Дело капитана Леруа... это сложно, гражданка, — Фруш, потный, тучный человек с бегающими глазками, вытирал лоб грязным платком. — Он убил гвардейца при задержании. Сен-Жюст требует его головы для показательного процесса над предателями в Национальной гвардии.

Изабель сидела напротив него абсолютно неподвижно. Ее лицо, побледневшее от зноя, казалось высеченным из мрамора. Она молча достала из ридикюля тяжелый бархатный мешочек и развязала тесемки. На грязный деревянный стол со стуком выкатились три крупных, безупречной чистоты бриллианта. В полумраке таверны они вспыхнули холодным, гипнотическим светом.

Фруш сглотнул. Его сальные пальцы дрогнули.

— Завтра двадцать седьмое июля. Девятое термидора по новому стилю, — голос Изабель был ровным и холодным, как клинок. — Весь Париж знает, что Робеспьер готовит новые списки смертников. Имя вашего патрона, Тальена, наверняка там есть. Как и ваше, месье Фруш. Власть вот-вот сменится. Когда начнется хаос, вам понадобятся деньги, чтобы бежать из страны. Много денег.

Она придвинула камни ближе к нему.

— Мне нужен приказ о переводе заключенного Леруа в другую тюрьму. Завтра на рассвете. С вашими печатями. Я приду за ним сама.

Фруш затравленно оглянулся на дверь. Жадность боролась в нем со страхом, но бриллианты графов де Монфор стоили больше, чем его жизнь. Он сгреб камни в карман и придвинул к себе чернильницу.

— Вы сумасшедшая, гражданка, — прохрипел он, выводя подпись на бланке Комитета. — Завтра улицы умоются кровью.

— Пусть умываются, — ответила Изабель, пряча подписанный приказ на груди, там, где под платьем бешено колотилось живое сердце. — Лишь бы не нашей.

Тюрьма Ла Форс встретила Изабель удушающим смрадом. Смесь запахов немытых тел, гнилой соломы, экскрементов и застарелой крови ударила в нос, как только тяжелые железные ворота захлопнулись за ее спиной.

Было раннее утро девятого термидора. Жара уже начинала плавить камни.

Изабель стояла в караульном помещении, окруженная стражниками. Она не дрожала. Ее спина была прямой, а взгляд — ледяным и высокомерным. Она протянула начальнику караула бумагу, скрепленную сургучной печатью.

— Приказ Комитета общественной безопасности. Заключенный Гастон Леруа, бывший капитан. Подлежит немедленному переводу в Консьержери для допроса лично гражданином Сен-Жюстом. Я уполномочена сопровождать конвой.

Начальник караула, тучный санкюлот с красным лицом, недоверчиво повертел бумагу.

— Без гвардейцев? Одна женщина?

— Вы сомневаетесь в печати Конвента? — Изабель презрительно изогнула бровь, а ее рука незаметно скользнула в складки плаща, извлекая увесистый кошель с золотыми луидорами. Она положила его на стол так, чтобы монеты глухо звякнули. — Транспорт ждет у черного хода. Выведите его, и Комитет... не забудет вашей расторопности.

Блеск золота и страх перед всемогущим Комитетом сделали свое дело. Санкюлот сгреб кошель и кивнул тюремщику с ключами.

— Веди гражданку в нижний ярус. Камера сорок два.

Изабель спускалась по склизким каменным ступеням во тьму. С каждым шагом вниз ей казалось, что она возвращается в катакомбы. Из-за решеток тянулись грязные, костлявые руки, раздавались стоны и проклятия. Но она не смотрела по сторонам. Ее сердце отсчитывало удары.

Тюремщик лязгнул ключом в ржавой скважине. Дверь камеры со скрипом отворилась.

Внутри не было окон. Только крошечная отдушина под самым потолком, сквозь которую пробивался пыльный луч света. На гнилой соломе, прикованный цепью к стене, лежал человек.

Изабель задохнулась.

Это был Гастон, но от прежнего блестящего капитана мало что осталось. Его мундир превратился в лохмотья, пропитанные засохшей кровью. Лицо обросло густой бородой, скулы заострились так, что обтягивали череп. На обнаженной груди и плечах багровели свежие и загноившиеся следы от плетей — следствие бесконечных допросов. Но на его шее, тускло поблескивая в полумраке, по-прежнему висела серебряная ладанка. Он не позволил ее снять.

Услышав скрип двери, Гастон медленно, с тяжелым лязгом цепей, поднял голову. Его глаза, ввалившиеся, лихорадочно блестящие, привыкали к свету фонаря тюремщика.

Затем он увидел ее.

Гастон замер. Его пересохшие, потрескавшиеся губы разомкнулись. В первый момент он решил, что это горячечный бред, галлюцинация, предсмертное видение. Изабель, стоящая перед ним в строгом платье, чистая, живая, властная, казалась ангелом, спустившимся в ад.

Она шагнула к нему, не обращая внимания на грязь и крыс, бросилась на колени прямо в зловонную солому.

— Гастон... — ее голос дрогнул, разрушая ледяной фасад. Она протянула руки и обхватила его грязное, изможденное лицо.

Он шумно втянул воздух. Ее запах. Запах живой женщины, лилий и свободы.

— Изабель? — хрипло, едва слышно выдавил он. — Ты... ты не должна быть здесь...

— Я пришла забрать тебя, — твердо сказала она. Она повернулась к тюремщику. — Снимите с него цепи. Быстро!

Тюремщик замешкался, глядя на страшные раны узника.

— Он едва стоит на ногах, гражданка.

— Снимите цепи! — рявкнула Изабель с такой первобытной яростью, что стражник отшатнулся и торопливо зазвенел ключами, отпирая кандалы.

Гастон со стоном оперся о стену. Его мышцы, ослабевшие от голода, дрожали. Изабель подставила ему свое хрупкое плечо. Динамика их отношений перевернулась окончательно. Когда-то он выносил ее из Консьержери на своих руках. Теперь она стала его опорой.

— Обопрись на меня, мой капитан, — прошептала она, позволяя ему навалиться на нее всей своей тяжестью. — Мы уходим.

глава шестнадцатая

Глава 16. Падение тиранов

Они почти достигли верхнего яруса, когда стены Ла Форс внезапно содрогнулись от протяжного, гулко-го, зловещего звука.

Бум... Бум... Бум...

Это звонил набат. Знаменитый парижский колокол на ратуше созывал секции к оружию. Вслед за ним ударили колокола других церквей. Город взвыл. Девятое термидора вступило в свои права.

На верхнем этаже тюрьмы царил абсолютный хаос. Гвардейцы метались по коридорам.

— Тальен и Баррас свергли Робеспьера! — кричал кто-то, вбегая с улицы.

— Вранье! Робеспьер на свободе, Коммуна поднимает народ на защиту Неподкупного! Командующий Анрио ведет пушки к Конвенту!

Двоевластие. Самый опасный момент любой революции.

Начальник караула, тот самый санкюлот, бледный и потный, преградил им путь у выхода.

— Стоять! — заорал он, выхватывая пистолет. — Комитет свергнут! Ваши бумаги недействительны, гражданка! Никто не покинет тюрьму до особых распоряжений новой власти! Назад в камеру!

Изабель не дрогнула. Она поддержала шатающегося Гастона одной рукой, а другой откинула капюшон, глядя санкюлота прямо в глаза.

— Робеспьер пал, — ее голос прорезал шум набата с удивительной четкостью. — Завтра тех, кто служил ему, поведут на эшафот. Вы хотите быть среди них? Мои друзья в Конвенте уже составляют списки. Откройте ворота, и я забуду ваше имя. Остановите нас — и я клянусь, ваша голова упадет в корзину Сансона первой.

Начальник караула заколебался. Пистолет в его руке дрогнул.

Гастон, человек, прошедший мясорубку двух эпох, не стал ждать, пока политические аргументы подействуют. Его тело было истощено, но рефлексy спецназовца, подогреваемые адреналином и пульсацией серебряной ладанки на груди, включились мгновенно.

Собрав все силы в один рывок, Гастон оттолкнулся от Изабель и прыгнул вперед. Он не бил кулаком — у него не было на это сил. Он ударил санкюлота лбом в переносицу, одновременно перехватывая его запястье с пистолетом. Раздался хруст кости, пистолет выстрелил в потолок, осыпав их каменной крошкой.

Гастон вырвал оружие из ослабевших пальцев тюремщика и наотмашь ударил его тяжелой рукоятью по виску. Санкюлот рухнул как куль с мукой.

Остальные стражники, парализованные страхом перед звоном набата и внезапной вспышкой насилия, попятились.

— Вперед! — прохрипел Гастон, хватая Изабель за руку.

Они вырвались на улицу. Париж кипел. Толпы вооруженных пиками и мушкетами людей бежали в сторону Ратуши. Слышались выстрелы, крики, конское ржание. В этом броуновском движении революционного безумия на двоих беглецов никто не обратил внимания.

Изабель заранее продумала путь к отступлению. В двух кварталах от тюрьмы, в узком переулке, их ждал крытый экипаж, нанятый за бриллианты. Кучер, напуганный стрельбой, уже готов был сбегать, но Изабель вскочила на подножку, втянула внутрь Гастона и приставила дуло трофейного пистолета прямо к затылку возницы.

— К заставе Клиши! — скомандовала она ледяным тоном. — Гони лошадей в галоп, или я прострелю тебе голову!

Экипаж сорвался с места. Они неслись по обезумевшим улицам Парижа, уворачиваясь от баррикад, которые горожане начали спешно возводить на перекрестках. На заставе царила неразбериха — национальные гвардейцы спорили с комиссарами о том, чьи приказы выполнять. Кучер Изабель просто пробил хлипкий шлагбаум на полном ходу, вырвавшись за пределы города.

Только когда гул набата остался далеко позади, сменившись шумом ветра в кронах деревьев, Изабель опустила пистолет. Она обернулась к Гастону. Он лежал на кожаном сиденье, тяжело дыша, его глаза были закрыты. Она прижалась к нему, стирая кровь и пот с его измученного лица, плача сухими, беззвучными слезами абсолютного триумфа. Она вырвала его из пасти Смерти

Они ехали на юг несколько дней, загоняя сменных лошадей, которых Изабель покупала на постоянных дворах за золото. Чем дальше они удалялись от Парижа, тем тише становился мир. Кровавая лихорадка Террора осталась в столице, сменившись сонным, летним безмолвием французской провинции.

Гастон спал почти всё время. Его организм, доведенный до предела истощения, восстанавливался. Изабель ухаживала за ним с одержимостью: промывала раны вином и чистой водой, перевязывала рубцы льняными бинтами, кормила с ложки бульоном на постоянных дворах. Каждый раз, когда она касалась его горячей кожи, она чувствовала пульсацию серебряной ладанки. Артефакт работал, но теперь он лечил своего хозяина.

К концу недели пейзаж за окном кареты изменился. Дорога стала неровной, заросшей сорняками. Они въехали в земли Монфоров.

Поместье предстало перед ними на закате, вырисовываясь черным, готическим силуэтом на фоне кроваво-красного неба. Оно было частично сожжено крестьянами еще в девяносто втором году. Одно крыло обрушилось, превратившись в груды почерневших камней, поросших диким плющом. Окна главного фасада смотрели на мир пустыми глазницами. Старинный парк одичал, статуи нимф и сатиров были повалены в высокую траву, покрыты мхом.

Здесь царило запустение, но для Изабель это место было домом. Здесь не было гильотины. Не было толпы.

Они отпустили экипаж у покосившихся чугунных ворот. Гастон уже мог идти сам, хотя и опирался на трость, найденную в карете. Вечерний воздух был наполнен стрекотанием цикад и запахом нагретой хвои.

Они вошли в дом через разбитые стеклянные двери террасы. Внутри пахло сыростью, старой золой и птичьим пометом. В парадном зале ветер гонял по мраморному полу обрывки старинных гобеленов.

— Прият призраков, — хрипло усмехнулся Гастон, оглядывая руины. Его голос стал крепче, в глазах появился прежний, цепкий блеск солдата.

— Наш прият, — тихо ответила Изабель. Она сняла свой плащ и глубоко вздохнула. Впервые за два года ей было легко дышать. Бархотка на шее больше не сдавливала горло.

Она повела его по уцелевшим комнатам первого этажа. Крестьяне разграбили мебель, унесли серебро и картины, но тяжелые дубовые книжные шкафы в библиотеке оказались им не по зубам. Там, за потайной дверью, находился старый кабинет ее отца. Место, где он проводил свои оккультные эксперименты.

Кабинет сохранился почти нетронутым. Тяжелые бархатные шторы, густо усыпанные пылью, скрывали комнату от солнечного света. Посреди помещения стоял массивный стол красного дерева, заваленный пожелтевшими астрологическими картами, колбами и засохшими чернильницами. На полу темнели старые, въевшиеся в паркет пятна. Гастон, как военный, мгновенно узнал этот цвет — цвет старой крови.

Изабель зажгла несколько огарков свечей, найденных в канделябре. Желтый свет выхватил из мрака кожаный диван.

— Ложись, тебе нужен отдых, — сказала она, помогая Гастону устроиться. — Я найду воду в колодце во дворе. Нам нужно будет разжечь камин на кухне.

Она вышла, оставив его одного в тишине кабинета.

Гастон откинулся на спинку дивана. Его тело ломило, но разум был абсолютно ясен. Он выжил. Они оба выжили и вырвались из петли времени. Он смотрел на пыльные полки, на странные каббалистические символы, вырезанные на стенах.

Взгляд его зацепился за странную неровность паркета прямо под рабочим столом графа. Одна из дубовых досок была слегка приподнята, а вокруг нее пыль лежала не так ровно, как везде.

Любопытство взяло верх. Превозмогая боль в ребрах, Гастон медленно опустился на колени у стола. Он подцепил край доски обломком ножа, который носил в сапоге. Дерево поддалось со скрипом, открывая небольшую, выложенную свинцом нишу.

Внутри не было ни золота, ни драгоценностей. Там лежал только один предмет. Толстая тетрадь в переплете из потемневшей, подозрительно гладкой кожи.

Гастон достал ее. На обложке не было названия, только выдавленная гербовая печать рода де Монфор и дата, выведенная засохшими бурыми чернилами: *«Сентябрь, 1792 года. Дневник Воскрешения».*

Он открыл первую страницу, и тишина старого дома вдруг показалась ему оглушительной. Развязка, к которой они шли сквозь кровь и безумие революции, ждала его на этих пожелтевших страницах.

глава семнадцатая

Глава 17. Анатомия

В тусклом свете оплывающих свечей Гастон открыл первую страницу дневника. Кожаная обложка неприятно холодила пальцы, и на мгновение у него мелькнула жуткая, тошнотворная догадка о том, *из чьей* именно кожи она могла быть сделана. Но он отогнал эту мысль. Его глаза впились в неровные, дерганные строчки, выведенные выцветшими бурыми чернилами. Почерк графа Этьена де Монфора скакал, выдавая крайнюю степень безумия и отчаяния.

«3 сентября 1792 года. Бог покинул Париж. Сегодня толпа ворвалась в тюрьму Ла Форс. Они убивали всех: священников, женщин, стариков. Улицы красны, стоки забиты внутренностями. И среди них была она. Моя младшая сестра. Моя Изабель. Ей едва минуло девятнадцать. Я не успел. Я опоздал с золотом на полчаса. Когда я прорвался к воротам, они уже вынесли ее тело на пиках».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.